

Шоковая терапия — лицом в грязь

Светлана Баскова, одна из лидеров непризнанного киноавангарда России, сняла очередной «гадкий» фильм — «Пять бутылок водки». Я не видел ее наשמевшего в андеграундных кругах «Зеленого слоника», но помню сумбурного «Кокки, бегущего доктора», где герои блевали, испражнялись, много матерились (это обязательно в сегодняшнем авангарде — ругаться матом). Фильм, по принятым меркам, был отвратительным, мерзким, просто хулиганской выходкой. Но в нем провокационно громко звучала своя эстетика — эстетика безобразного, которая тоже — да-да! — имеет свои законы, своих классиков и сторонников. Баскова без вящего смущения познает мир «снизу», через человеческую низость, похотливость, жажду разрушения и всевозможные пороки.

Ничего светлого не показывает она и в «Пяти бутылках водки». Но при этом за кадром присутствует некий, говоря по-школьному, лирический герой, который взирает с ужасом и отвращением на пьяных, агрессивных, не видящих ничего по-

зитивного существ, показываемых на экране. Похоже, это по его воле сюжет не движется, буксует, а персонажи бесконечно повторяют на разные лады свой бред («Здесь стояли пять бутылок водки! Спиз...ли, суки! Пять бутылок!»). Хотя похожий бред часто несут подвыпившие люди на Руси: они готовы унижить другого человека, даже убить, при этом искренне возмущаются какой-то мелкой пропажей, возводя украденные бутылки в ранг человеческих пороков, за которые надо карать — и немедленно.

Баскова практически показывает, как мерзок и ужасен мир мужчин. Кто-то может назвать этот взгляд на мужиков бредом сумасшедшего, извращением, плевром, ненавистью к «сильному» полу. Но презирает и ненавидит его женщина-режиссер люто, до зубового скрежета, до выворачивания суставов...

В подосбке какого-то питьевого заведения, которым заведует некий господин со следами бывшего лоска, общаются двое разнорабочих. Один из них — мычащий и больной на голову, а второй — жирный жлоб, ползающий перед хозяином на карачках и выставляющий себя учителем жизни перед дурачком (например, разбивает себе о лоб бутылку, желая что-то доказать убогому). Работяги не знают, чем заняться. Режиссер долго наблюдает, как кровь (самая настоящая, а не киношный клюквенный сок) стекает у грузчика по лбу, капает с кончика носа. Он, похоже, считает свое ухарство героизмом, а сам, по сути, тупая свинья — может стоять рядом с парой, занимающейся любовью (хотя этот акт больше похож на изнасилование) и сладострастно онанировать; может топить своего приятеля в ведре с помоями, а потом ласково разговаривать с его трупом и притаскивать бывшему напарнику «подружку» — тоже покой-

ницу, сажая их рядком. Герои «Пяти бутылок водки» — люди (неужели мы все из этого теста?), как бы недостойные жить, но когда их убивают, это выглядит такой же несправедливостью и бессмыслицей, как и их жизнь.

Все, кто появится в фильме Светланы Басковой, — с комплексами неполноценности, пороками и погнутой шкалой ценностей ориентаций. Они не ищут контакта с окружающим миром, никому не протягивают руки и втягивают все новых и новых на крутящийся круг, где невозможно удержаться — соскользнешь. Атлетически сложенный негр, который появляется в заведении, плачет о том, как он несчастен, толстяк-бородач, позволяющий одеть себя в дамское платье, почти добровольно подвергается насилию, а красавец-бандит, заказавший себе в услужение девицу, девицу, а потом... собственное убийство — бездарный извращенец, существо, потерявшее почву под ногами. Он яростен, агрессивен, при этом хочет ласкать кого-нибудь, нежить, но вспоминает, что должен пугать, давить, душить, топтать. И топчет...

Потоки мата перестают восприниматься, потому что грязная речь — в каждой фразе фильма. Нам демонстрируют голые задницы, вялые мужские члены, пакость, валяющуюся изо рта, грязь — на полу, на столах и одежде — все это мелькает в кадре, создавая атмосферу паноптикума, клоаки, вонючего болота. Причем никто из героев не протестует против такого существования, они нормально вписались в него, переругиваясь, дерясь, воруя, напиваясь. Воровство тут ради воровства: ведь те украденные бутылки никто даже не выпил — их разбили о стену (но виновного в краже все равно прикончили — из принципа, поскольку воровать у хозяина нехорошо).

Козлы, убождки, уроды — вот все, что можно сказать о персонажах фильма. Но эта грязь по составу близка грязи с полотен Брейгеля, это современный Босх, это сон разума, рождающий чудовищ. Светлана Баскова выставила перед нами кривое зеркало, утрируя нашу похоть,

пороки, слабости. Но сделала она это, похоже, с терапевтической целью, пытаясь образумить сходящее с ума общество. Хотя кто-то скажет, что она просто играет грязными тряпками, строит из мусора города, населяя их придуманными ею «помощными» человечками.

Фильм нарочито плохо снят, в нем нарочито грязно записан звук и нарочито грубо играют актеры. Режиссер будто напрашивается, чтобы про ее произведение сказали «фу, дрянь!». Ей хочется надеть терновый венок непризнанного ге-

«Пять бутылок водки»

ния, непонятого правдолюбца. Но ведь если кто-то смотрит эти фильмы до конца (хотя многие уходят, не досмотрев и до середины), значит, кому-то это нужно и кто-то воспринимает то, что несет с экрана режиссер-провокаатор, режиссер-ассенизатор, режиссер-скандалист.

Все это я пишу для того, чтобы коллеги знали, что рядом с нами существует другой кинематограф — параллельный, перпендикулярный, полудиккий, непотребный — не знаю, как его назвать. Образцы этого нетипичного искусства не пускают ни на телеэкран, ни в кинотеатры, их не хранят в Госфильмофонде, и можно при желании сказать, что его вообще нет. Но он ведь есть. Есть.

